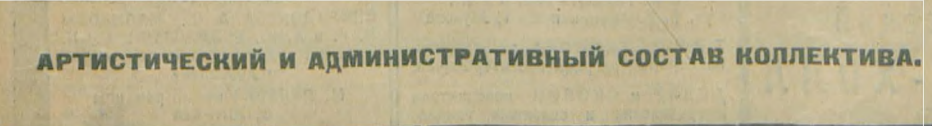

20 К. 30Л.—МОСКВА. ПРОВИНЦИЯ 20 К. 30Л.

20 К. 30Л.—МОСКВА. ПРОВИНЦИЯ 20 К. 30Л.

20 к. 30 л.

ПРОВИНЦИЯ 20 К. 30Л.

стало у них слишком явственным, а комедия в целом похоронена в „слезах“ по первому разряду.

В этом основная ошибка театра, имеющего в прошлом свои заслуги.

Большая путаница и в самом стиле спектакля. С одной стороны — в движении и жесте — экспрессионизм, при котором каждая фраза — бросок, насыщенный глубокой внутренней динамикой. С другой — полная атрофия речи у таких актеров, как исполнители ролей Кочкарева и Тетушки. А потом — этот мистический „триединый“ Кочкарев? А музыка?

Молодежь, оставшаяся без Вахтангова — твердого руководителя и большого мастера, мечется в поисках путей, но попадает в тупик.

От души желаем ей избежать его в дальнейшей работе.

Александр Макс.

Я бы сказал одно слово по поводу „Женитьбы“ в Т.аре имени Евгения Вахтангова „увы!“

Вас. Сахновский.

Идеологически и формально — реакционный, нездоровый и вредный спектакль!!!

Штраух.

„Женитьбу“ Гоголя нельзя ставить как „Кабилет доктора Калитари“.

Если можно Гоголя „Невского Проспекта“, „Носа“ и „Шинели“ раскрыть путем стилизационной фантастики, то именно „Женитьба“ требует трактовки в плане современной гиперболы.

Завадский не учел, что „раздвоение“ Кочкарева, как аттракцион не дойдет до современного зрителя, также как не „подействует“ таинственность черной подумаски. Замените ее автомобильными очками!

Экспрессионистическая „паутинность“ худ. Исакова разрешена в сугубо эстетическом плане.

Но присутствие таких актеров как Басов и Бендина дает мне право надеяться на дальнейшую жизнеспособность Третьей Студии

Сергей Юткевич.

ПЬЯНЫЙ ОПЕРАТОР.

НА ЛЕКЦИИ ЭРЕНБУРГА.

У входа в театр — круговорот людей. Многих волна подхватывает и несет задом, боком, вертит, как щепку.

Кто они, в изобилии собравшиеся посмотреть «ходовой товар»? О, это была убийственная для писателя аудитория! Никогда еще я не видал на лекциях такого состава слушателей!

Это были смокинги и визитки, которые заполняют залы казино, это были пазантины, колья и декольтированные «спектаклей-варьете».

Были тут и юноши «без определенных занятий», падкие до всякого рода «урбанистической экзотики». И с эстрады она была «подана» в изобилии хлестким стилем журналиста.

Снова Эренбург демонстрировал свои экспрессионистические плакаты, вывезенный товар из «L'Esprit Nouveau» и приправленный восторгами перед «сломанной мотоциклеткой». С редкой очевидностью ощущалось, как быстро притупляется всякое острое, если им злоупотребляют. Приемы Эренбурга отличались в штамп. Ибо вместо багажа «философии», на которую имеются претензии, у него лишь «технический прием» фельетониста, самоуверенного, но и сентиментального.

Издевка над Европой — это «литературный прием», нашедший к тому же в мутной воде «наша» широкий спрос.

В заключении рукописи «пьяный оператор», которую он читал и которая почему-то была названа «лекцией», раскрылся неожиданно подлинный Эренбург, влюбленный в Европу, в эту «прекрасную финикийку», поэт, взмешший на символично-эклектических дрожжах.

НИКОЛАЙ ТАРАБУХИН.

ШТЕЙМАН.

НЕФЕШ.

КРАШИНСКИЙ.